

1936 год, поздняя весна. Маки, собранные в пучки, покрыли берега реки Кам. В лучах заката вода, сверкающая отблесками света, текла через город. На берегу реки, усеянном цветущей сакурой, располагался Тринити-колледж Кембриджа, окрашенный в нежный золотистый свет заходящего солнца.

У студенческого общежития на Бейкер-стрит, 109, высокий и худощавый молодой человек с кудрявыми каштановыми волосами пробежал по аллее, прыгая и скача, и спрятался во дворе дома хозяйки. Закрывая за собой дверь, он быстро сунул руку в почтовый ящик, а затем, ворвавшись в дом, с силой прижался к двери, тяжело дыша:

— Чуть не попался Анне! Надеюсь, она меня не заметила, Боже, помоги!

Внутри здания, сохранившегося с прошлого века, царил старомодная, но чистая атмосфера, что говорило о стараниях жильцов поддерживать порядок. Молодой человек в вязаном жилете и белой рубашке сидел на стуле, скрестив ноги, окружённый стопкой книг и разбросанными черновиками. Он торопливо приводил в порядок листы бумаги, лишь равнодушно крякнув в ответ на слова друга.

Лука, опустив голову, листал письмо и вдруг, словно обнаружив сокровище, радостно крикнул ему:

— Эй, Гу, тебе опять письмо! Снова этот штемпель! Тот человек снова написал тебе!

Молодой человек за столом даже не повернулся, просто бросил письмо с особым знаком в коробку для макулатуры под кроватью.

— Э-э-э... — Лука с гримасой осмотрел коробку. — Честно говоря, мне уже три года любопытно, кто этот человек, который постоянно тебе пишет? Ты ни разу не открыл ни одного письма? Вдруг там что-то интересное!

— Если хочешь, открой сам.

Молодой человек поднял глаза и бросил на него бесстрастный взгляд. Его бледная кожа подчёркивала необычайную яркость чёрных глаз, но в их глубине была лишь стеклянная пустота, отчего Лука невольно замер.

Он должен был признать, что его китайский сосед по комнате, чьё настоящее имя было Гу Шэн, был поразительно красив. Это не было связано с тем, что он раньше не видел азиатов, это было чисто интуитивное ощущение, которое оставляло глубокое впечатление с первого взгляда.

Поэтому Лука до сих пор помнил, как в первый день учёбы встретил его: молодой человек стоял у входа в зал с чемоданом и пальто в руках, его длинная белоснежная шея выглядывала из-под рубашки. Лучи утреннего солнца пробивались через высокие шпили здания, освещая его стройную и изящную фигуру, а его лицо было настолько нежным, что напоминало девушку.

Это было зрелище, от которого невозможно было отвести взгляд.

Конечно, вскоре Лука понял, что это было лишь его заблуждение. По сути, его сосед был настоящим трудоголиком, ничем не уступающим старому профессору высшей математики, человеком, который мог целый год провести в библиотеке и аудиториях, питаясь лишь холодной водой.

Более того, благодаря его многолетнему примеру и влиянию, Лука теперь даже научился ходить в университет, не побрившись.

Изначально Лука относился к такому поведению с крайним презрением и пренебрежением. В его понимании только посредственные студенты могли ежедневно посещать скучные обязательные лекции старых профессоров, которые он сам слушал лишь раз и больше не хотел возвращаться, внимательно изучать сухие и пустые математические труды, перечисленные профессорами, и добросовестно выполнять каждую курсовую работу... Одна только мысль об этом заставляла его мозг взрываться.

Ведь весна в Кембридже была такой прекрасной, с её пейзажами и девушками, зачем же дни и ночи напролёт думать о таких вещах?

Он придерживался этой философии и, естественно, требовал, чтобы Гу Шэн отмечал его присутствие на занятиях целый семестр, пока тот не поделился с ним в начале второго года премией Карлемана, известной как «награда для гениев» математического факультета, решив задачу, над которой Лука провёл семь дней взаперти, не видя ни одной девушки.

Лука был поражён, как громом, и, провожая своего молчаливого китайского соседа, который спокойно собирал свои записи и уходил на занятия, почувствовал странное ощущение, будто впервые узнал этого человека.

Очевидно, он был не единственным, кто так чувствовал. За последующие два года Гу Шэн неизменно занимал первое место в колледже, побеждая в различных соревнованиях, и слава о «математическом гении» быстро распространилась. Профессор Холл в конце третьего года лично подал заявление на его зачисление в аспирантуру, и этот некогда никому не известный восточный парень в одночасье стал невероятной легендой колледжа.

Особенно после того, как он отказался.

Лука же отреагировал на это равнодушно, словно это было лишь удобно, что кто-то всегда забирал его награды, что значительно экономило время на его ухаживаниях.

Поэтому Лука также приглашал его выпить, но Гу Шэн, похоже, воспринимал это как простую любезность по отношению к сокурсникам и никогда не соглашался.

— Нет-нет-нет-нет-нет, я никогда не лезу в чужую личную жизнь, — Лука пожал плечами, отошёл от стола к своей кровати и вытащил более-менее приличные брюки. — Кстати, сегодня на лекции профессора Уилсона снова придётся тебя подменить, Гу. Мне нужно как-то избежать ссор моих бывших девушек.

— Я как раз хотел тебе сказать, — Гу Шэн наклонился, чтобы взять чемодан, и повернулся. — Боюсь, что больше не смогу отмечать тебя. Я улетаю в Китай в шесть тридцать — я говорил тебе об этом неделю назад.

— Что? — Лука чуть не споткнулся о свои брюки и с удивлением уселся на кровать. — Китай! Ты возвращаешься в Китай? Почему?

Его мозг быстро работал, и он вдруг пришёл к удивительному выводу:

— Это из-за того человека, который писал тебе три года?

Гу Шэн на мгновение замер с чемоданом в руке, затем выпрямился. Высокие книжные полки

загораживали свет из окна, и в тени лицо молодого человека казалось мрачным, а чёткие линии подбородка придавали его прекрасному лицу некую холодность и отстранённость.

Лука не стал углубляться в это предположение, так как перспектива потерять соседа была для него невыносимой. Он ухватился за изголовье кровати, отчаянно сопротивляясь:

— Нет! Ты не можешь уехать! Если ты уедешь, кто будет отмечать меня и делать мои задания? Я рассчитываю на тебя в своей дипломной работе!

Гу Шэн усмехнулся, его профиль в лучах заката казался мягким и размытым:

— Так что перестань думать о весне в Лондоне и женщинах, лучше займись учёбой.

— Э-э-э! Ты правда уезжаешь? — Лука был в шоке, натянул брюки и встал, последовав за Гу Шэном к шкафу, где тот брал чемодан. — Почему сейчас? Я слышал вчера по радио, что в Китае идёт война, это безумие, зачем тебе туда возвращаться! Профессор Холл так тебя ценит, лучше останься и получи ещё одну степень.

Гу Шэн не ответил, просто сложил пальто и положил его в чемодан. Лука смотрел на него и странным образом почувствовал, что в этот момент молодой человек был немного грустным.

Лука усмехнулся, внезапно покраснел и бросился обнять его, прежде чем Гу Шэн успел среагировать, затем отпрыгнул далеко назад:

— Эй, когда доберёшься до Китая, обязательно напиши, что всё в порядке! Обязательно поддерживай связь! Слышишь? Если ты просто уедешь, я буду по тебе скучать!

Он быстро вытер лицо, закричал, что Анна ищет его, чтобы устроить скандал, и выскочил в соседнюю комнату, чтобы спрятаться. Гу Шэн с недоумением проводил его взглядом, пробормотал что-то вроде «что за чушь», накинул плащ и вышел из дома.

К семи часам вечера аэропорт Хитроу был окутан широким покровом сумерек. Звук сигнала пилота прозвучал в последний раз, и Гу Шэн с рюкзаком поднялся на борт единственного рейса в Гонконг, заняв место у иллюминатора.

На земле редкие огни постепенно становились тусклыми и далёкими, а тёмно-синие облака, поднимаясь вместе с самолётом, перекатывались за окном, словно ночной прилив, несущий в себе множество прошлых тайн. Гу Шэн молча смотрел в окно, затем, словно устав, закрыл глаза.

Бомбардировщики кружили в небе, с грохотом сбрасывая бомбы. Израненная земля вздымалась жёлтым песком, покрывая повсюду разбросанные останки.

Бронированный транспорт с рёвом проехал мимо и резко остановился перед новым зданием. Машина ещё не успела остановиться, как мужчина с винтовкой уже выпрыгнул из неё, его лицо исказилось от ярости, и он с устрашающим видом бросился внутрь.

— Эй-эй-эй! Стоп! Стоп!

— Закрытая зона! Посторонним вход запрещён! Посторонним вход запрещён!

— Пожалуйста, предъявите документы, утверждённые начальством! Повторяю! Пожалуйста, предъявите...

Авторское примечание:

Пишу впервые длинный роман... Буду стараться улучшать недостатки, прошу снисхождения.
(Поклон)

<http://bllate.org/book/16144/1445598>